

АННА РАДКЛИФ¹

Анне Радклиф принадлежит выдающееся место среди знаменитых романисток, и вся европейская критика с удивительным единодушием признает ее выдающееся значение в литературе. Романы ее долгое время пользовались обширной популярностью; хотя теперь она известна только по имени, но в течение семи лет она сияла яркой звездой на литературном небосклоне и затем быстро исчезла с горизонта. Однако влияние этой писательницы, пронесшейся как блестящий метеор, можно проследить не только в английской литературе, но и во всей европейской почти до нынешнего времени. Анна Радклиф является главой целой школы романистов; в числе ее почитателей и последователей было немало выдающихся писателей.

Имя ее часто упоминается теперь вскользь, неопределенным образом — вот почему не мешает дать публике случай познакомиться с одним из ее сочинений, пользовавшихся самой громкой известностью.

Хотя Анна Радклиф по рождению принадлежит Лондону, но отец ее Уильям Уард был дворянин из Лейчестера и вел дела в Гольборне, где и увидела свет будущая романистка — 9 июля 1764 года. Семья ее была довольно знатного происхождения, но она в такой же степени была обязана полученному в детстве воспитанию, сколько влиянию наследственности. Воспитание ее имело практический характер. С домашним хозяйством она, пожалуй, больше была знакома, чем с классической литературой, и в конце жизни первым ее наслаждением было заниматься своим хозяйством. Как видно из ее сочинений, она отличалась темпераментом до крайности ро-

¹ Предисловие и текст романа печатаются по изданию: *Радклиф А. Удольфские тайны*. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905.

мантическим, страстно любила все великое и прекрасное в природе и, кроме того, имела склонность к таинственному и сверхъестественному. Она много читала, большей частью стихотворения и романы; сочинения Грея, Томсона и Руссо находили отзывчивую струну в ее душе. В доме своей тетки, госпожи Бентли, она встречалась со многими знаменитостями, но ее чрезвычайная застенчивость — она всегда больше любила слушать, чем участвовать в разговоре, — мешала этим выдающимся людям сразу замечать ее даровитость.

Двадцати трех лет она вышла замуж за Уильяма Радклифа, впоследствии издателя «Английской хроники». Свадьба была отпразднована в Батсе в 1788 году, и Анна Радклиф, сразу попав в лондонскую литературную среду, начала писать, чтобы чем-нибудь наполнить часы досуга. Тогда-то и открылся ее талант, и вот после первой удачной попытки ее богатая фантазия полилась неудержимым потоком, создавая увлекательные романы, установившие ее литературную славу. Вторая ее книга, «Роман в Сицилии», появившаяся в 1790 году, привела в восторг всю читающую публику, обнаружив в авторе блестящее описательное дарование. Ее волшебное перо рисовало дивные картины природы, а прекрасный слог ее романов доставил ей почетное место среди поэтов-прозаиков. «Роман в лесу», вышедший в 1791 году, окончательно установил ее известность. Поразительная свежесть ее творчества, живость ее фантазии очаровывали читающую публику; слава ее так возросла, что за «Удольфские тайны», четвертый и самый популярный из ее романов, издатели заплатили ей 500 фунтов стерлингов.

Заглавие книги было выбрано удачно: оно привлекало внимание и возбуждало любопытство. Рассказ начинается с описания идиллических сцен в Гаскони и, правда, грешит кое-какими анахронизмами, так, например, сценарий XVIII столетия применяется к XV столетию, но подобные промахи простительны ввиду обаятельной картины, развертывающейся перед взорами читателя. Может ли быть что-нибудь прелестнее безыскусственной простоты жизни в семье Сент-Обера, живописных окрестностей их дома, зеленых рощ и пастбищ, благоуханного воздуха, кристального потока, низвергающегося с вершин Пиренеев и протекающего вдоль лесной тропинки по романтической долине. Какой резкий контраст с шумной

сутолокой света представляет ясная, спокойная жизнь Сент-Обера. Обыкновенно он проводил летние вечера в кругу семьи, под величественным шатром платана. «Он любил тот тихий час, когда угасают последние лучи света, когда звезды одна за другой трепетно загораются в эфире, отражаясь в темном зеркале вод, — тот час, который сильнее всякого другого навеивает кроткую меланхолию и часто возносит душу до вершин созерцания. Иногда глубокие сумерки заставляли Сент-Обера под любимым платаном, всходила луна и проливала кроткий свет сквозь листву; часто ему приносили под дерево его скромный ужин, состоявший из молока или плодов. И вот в тишине ночной раздавалась вдруг чарующая песня соловья, пробуждая в сердце безотчетную грусть».

Эта картина дышит поэзией и мечтательностью; из нее видно, что Анна Радклиф была сентименталистка, как Макензи, Стерн и Руссо; этого факта не следует упускать из виду, хотя в романе «Удольфские тайны» она является прямой последовательницей и преемницей авторов «Замка Отранто» Уолпола, «Старого английского барона» Ривса и других авторов «страшных» рассказов. Склонность Анны Радклиф ко всему мрачному, наводящему ужас встречает противовес в ее страсти к романтическим местоположениям и тонкому изяществу. Она резко подчеркивает различие между утонченными наслаждениями искусством, литературой и светской пошлостью в описании посещения Кенелями Сент-Обера. Они появляются на сцене с шумной вульгарностью пустых светских щеголей, в ландо, запряженном парой взмысленных коней! Ландо в 1584 году — здесь видно некоторое пренебрежение госпожи Радклиф к исторической точности, но вот после отъезда Кенелей описывается, с каким наслаждением Сент-Обер вернулся к своим книгам и изящным занятиям. Автор окружает свою героиню живописной обстановкой. После того как смерть вносит расстройство в мирную жизнь семьи Сент-Обера, повествуется о путешествии в Пиренеях; это доставляет автору случай щегольнуть своим блестящим описательским дарованием. Картины ее напоминают живопись Сальватора Розы: «Дикие скалы, местами обожженные молнией, местами поросшие зеленью плюща, громоздятся над живописными долинами и чудными уголками, вид которых смягчает душу, как звуки тихой музыки». Вслед за тем в опи-

сании крестьянской пляски по случаю сбора винограда опять сквозит склонность писательницы к сверхъестественному. В то время как в лесу раздаются веселые крики поселян, внезапно сердца их поражены ужасом: раздаются звуки таинственной музыки, сопровождающей голос столь чарующий и нежный, что он представляется им неземным. Звуки, то усиливаясь, то слабая, доносятся бризом по озаренному луной лесу к хижине, где лежит умирающий Сент-Обер: он прислушивается и с пророческой прозорливостью решает, что в этих звуках нет ничего сверхъестественного. Но крестьяне, менее привычные к музыке Италии, поражены суеверным страхом. По их мнению, эта мелодия предвещает беду, и в данном случае предчувствия их оправдываются кончиной Сент-Обера.

От трогательных сцен Анна Радклиф переходит к описанию соблазнительных картин Венеции — города островов, дворцов и башен. Она рисует пышное, сластолюбивое общество, искусной рукой изображает все моменты венецианской жизни — и «карнавал», и ночные пиры при лунном свете, и тихие сумерки, и другие сцены под небесами жаркого юга. Но как ни хороши некоторые из этих описаний, они все-таки значительно уступают дивной картине, рисующей замок Удольфо при первом взгляде на него Эмилии: эти страницы восхищали Вальтера Скотта и многих других. Приводим здесь это место как образчик стиля Анны Радклиф; подобно всем другим ее описаниям фантастических сцен, оно отличается какой-то мистической таинственностью и оставляет в читателе впечатление о замке как о каменной громаде гигантских размеров.

«К вечеру дорога стала спускаться в глубокую лошину. Ее обступали горы, шетинистые кручи которых казались почти недоступными. На востоке открывалась расщелина, и оттуда виднелись Апеннины во всей их суровой неприступности: длинная перспектива вершин, громоздящихся одна над другою и одетых по бокам соснами, представляла величественную картину, какой Эмилия еще никогда не видывала в жизни. Солнце как раз садилось за вершины гор, по которым спускались путники и которые бросали длинные тени в долину; косые лучи солнца, прорываясь сквозь щель в скалах, озаряли желтым сиянием макушки лесов на противоположных крутизнах и со всей силой ударяли в башни и зубцы замка,

простиравшего свои стены по самому краю утеса. Величавость этих ярко освещенных зданий еще усиливалась резкой тенью, сгустившейся внизу долины. Эмилия с грустью и страхом глядела на замок, поняв из слов Монтони, что это и есть цель их путешествия; хотя он в эту минуту освещался заходящим солнцем, но готический стиль его сооружения и серые стены, покрытые плесенью, придавали ему мрачный, угрюмый вид. Пока она рассматривала замок, свет погас на его стенах, оставляя за собой холодный фиолетовый оттенок, который все сгущался, по мере того как испарения ползли вверх по горе, тогда как наверху зубцы все еще были залиты ярким сиянием. Но вот и там лучи скоро погасли, все здание погрузилось в торжественную вечернюю тьму. Безмолвное, одинокое, величавое, оно как бы царило над всем окружающим и сердито хмурилось на всякого, кто осмелился бы подойти к нему».

Главный интерес романа сосредоточен вокруг Эмилии Сент-Обер и ее опекуниши, госпожи Шерон, сестры Сент-Обера, попечению которой была поручена Эмилия. Героиня, потерявшая своих родителей, вдруг попала из своей семьи, которая вела тихий, мечтательный образ жизни, в суровую школу жизни. Многие из портретов Анны Радклиф нарисованы искусной рукой и полны жизненной правды. Госпожа Шерон, женщина грубая и вульгарная, обрисована такими же резкими чертами, как, например, Скедони в романе «Итальянец», одном из самых блестящих произведений того же автора. При всем своем знании света госпожа Шерон делается жертвой козней Монтони, сомнительной личности, владеющей дворцом в Венеции и замком в Апеннинах. После брака Монтони и ее тетки Эмилия, потерпевшая неудачу в своей любви к Валанкуру, сопровождает тетку в Венецию. Там-то впервые и обнаруживается настоящий характер Монтони. Он тщетно старается заставить жену отдать ему свои имения и поощряет ухаживание графа Морано за Эмилией, но она отвергает его предложение. Далее действие переносится в Удольфский замок, где и начинается самая трагедия.

Анна Радклиф, следуя своему обычному методу, подводит нас к каждой трагической развязке целым рядом картин, сменяющихся, как в панораме, и тщательно выработанных мелочей, которыми она ловко пользуется, чтобы прикрыть те

реальные ужасы, которые быстро чередуются друг за другом в замке Удольфо.

Удольфский замок — вместилище всяких ужасов; портрет под покрывалом, замогильный голос, смущающий гостей Монтони, пожар в Сент-Эльмо, таинственный посетитель на укреплениях — все это скопление ужасов способно устрашить самое мужественное сердце. Содрогание вызывает также все пережитое Эмилией в ее уединенной комнате, недалеко от таинственного покоя, где водятся привидения. Даже после того как ей удалось вырваться из страшного замка, где госпожа Шерон покончила жизнь, ее продолжают преследовать демоны, созданные фантазией Анны Радклиф. В замке Лемлан есть также ряд комнат, посещаемых духами; страшный черный саван лежит на постели в комнате, где сторожил Людовико.

Это место всегда считалось образцом фантастического вымысла в духе сверхъестественного. Но не следует предполагать, что пользование этими ужасами составляет главную черту «Удольфских тайн» или других романов Анны Радклиф. По справедливому замечанию одного из ее издателей, «ни в чем не выражаются так ясно ее достоинства, как в разумном и смелом пользовании этими наводящими ужас эффектами. Тихий стон, вырывающийся из-под сводов, таинственный голос, раздающийся среди гостей, след крови на лестнице замка, странная музыка, несущаяся среди озаренного луною леса, — все это действует на воображение сильнее, чем могли бы подействовать какие-нибудь неистовые заклинания и кровавая резня».

Во всех романах Анны Радклиф сквозит ее страсть к природе и к живописным ландшафтам, точно так же как и к эффектам, наводящим ужас. Любовь к природе отражается и в ее героине, но в ее описаниях нет той кропотливой мелочности, которая отличает работу других писателей. Она любит широкие взмахи кисти и, как справедливо указал сэр Вальтер Скотт, она первая ввела поэзию в английский роман; в этом отношении интересно проследить развитие художественных описаний природы после нее, в позднейшей литературе.

В то время как печатались «Удольфские тайны», Анна Радклиф со своим супругом путешествовала по Европе. Их поездка, однако, неожиданно оборвалась в Фрейбурге, где они

испытали такие неприятности, что решили вернуться в Англию. Таким образом, вопреки общераспространенному мнению, ее картинные описания природы не были результатом личных наблюдений; надо признаться, что они не передают местного колорита и во многих случаях сбили бы с толку туриста, который попробовал бы посетить какое-нибудь из описанных ею прелестных местечек. По возвращении в Англию она посетила округ озер и в 1795 году издала свои «Путевые записки». По ним видно, как искренне она наслаждается горными ущельями, густым лесом, подвижными тенями, дивными небесами и роскошными солнечными закатами. Как превосходно описывает она сельские красоты Англии, с какой любовью говорит о ее пышных рощах и зеленых лужайках, ее деревнях и аристократических замках, осененных вековыми деревьями! Следующим ее произведением и, в сущности, последним был «Итальянец», в котором она описывает страшные злодеяния разбойников и жестокие пытки инквизиции. За эту книгу, появившуюся в 1797 году, Анна Радклиф получила 800 фунтов стерлингов; роман этот захватил публику. В том же году, 15 августа, в театре Гей Маркета была представлена драма, заимствованная Боаденом из этого романа, а аббат Мореле перевел ее на французский язык. Но после семилетней усердной деятельности и рука автора стала заметно слабеть; хотя около этого времени и был написан ею еще роман «Гастон де Блондель», но она сама признавала его недостойным своего таланта, и он был издан лишь после ее смерти.

Все ее романы отличаются большим достоинством — оригинальностью. Она пренебрегала шаблонными приемами; искусное развитие ею фабулы поддерживает до конца интерес в читателе. Один английский критик называет ее волшебницей, а Шенье в своих статьях об английских романистах ставит ее чуть не наряду с Шекспиром.

После смерти отца в 1798-м и матери в 1800 году Анна Радклиф перестала писать для печати. Она наследовала крупное состояние, несколько поместий, фермы и т. п. в окрестностях Лейчестера. Вероятно, она чувствовала, что уже не в силах написать ничего лучшего, но можно предполагать также, что ее останавливали от дальнейшего писательства многочисленные плохие подражания ее романам. Для такой чуткой нату-

ры, как у Анны Радклиф, появление книги вроде «Монаха» Льюиса должно было явиться ударом. Чистота и свежесть ее собственных романов доставили им огромную популярность, и на нее должна была болезненно подействовать такая безвкусная подражательность. Все свободное время она посвящала длинным поездкам в экипаже со своим мужем; рассказы об этих странствиях изобилуют прекрасными описаниями и показывают, как искренне она упивалась красотами природы. Она много раз посещала Дербишир и Лейчестер, где находились ее поместья, нередко жила в своем доме в Батсе, который очень любила.

Анна Радклиф была среднего роста, необыкновенно пропорционального сложения, с миловидными чертами лица и прекрасным цветом кожи.

Ее внешность отличалась вообще редким изяществом, а блестящие глаза придавали лицу выражение живости, составлявшей странный контраст с ее степенными манерами в присутствии чужих, так как она была чрезвычайно застенчива. В течение многих лет она страдала астмой и в начале 1823 года заболела воспалением легких. Едва оправившись, она опять слегла, на этот раз заболев воспалением мозговых оболочек. Эта болезнь и свела ее в могилу 7 февраля 1823 года. Ее похоронили в часовне в Базуатере, и, насколько известно, не существует даже памятника над ее могилой, хотя она была одной из самых даровитых писательниц Англии.

В русской литературе романы Анны Радклиф и переводились, и вызывали множество подражаний. В каталогах под именем Анны Радклиф можно найти больше десятка романов. «Удольфские тайны» вышли в Москве в 1802 году под именем «Таинства Удольфские», в 1811 и 1816 годах — под именем «Тайны Черной Башни» и проч.

Удольфские тайны

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эмилия Сент-Обер.

Сент-Обер, отец ее, дворянин, удалившийся от света и живущий в Гаскони; он умирает в начале романа, оставив Эмилию сиротой.

Господин и госпожа Кенель, чета жизнерадостных помещиков; шурин и невестка Сент-Обера.

Госпожа Шерон, сестра Сент-Обера и опекунша Эмилии; впоследствии выходит замуж за Монтони.

Госпожа Клерваль, пожилая вдова в Тулузе.

Синьор Монтони, искатель приключений, итальянец, владелец Удольфского замка; женится на госпоже Шерон и замучивает ее до смерти; преследует Эмилию.

Верецци, Бертолини и другие, сообщники Монтони.

Граф Морано, итальянский дворянин, влюбленный в Эмилию, враг Монтони.

Бернардини, Бертран, Уго, Себастьян, Роберто, кондотьеры¹, помощники Монтони в Удольфском замке.

Старик Карло и Катерина, слуги в Удольфском замке.

Аннета, горничная госпожи Монтони и сообщница Эмилии при их бегстве.

Людовико, жених Аннеты.

Шевалье Валанкур, влюбленный в Эмилию.

Месье Дюпон, француз, пленный в Удольфском замке, влюбленный в Эмилию, которую спасает.

Граф и графиня Вильфор, помещики в Лангедоке.

Анри и Бланш, их дети.

Доротья, старая служанка Вильфоров.

¹ *Кондотьер* — в Италии начальник наемной дружины.

ГЛАВНЫЕ МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

Замок Сент-Обера на берегах Гаронны, в Гаскони; поместье Кенеля; Венеция; Удольфский замок в Апеннинах; замок Вильфора в Лангедоке.

Время — 1584 год. Исторические и географические данные большей частью вымышленные.

ГЛАВА I

...Очаг домашний!
Приют любви, и радости, и изобилья!
Взаимной помощью и общим счастьем нуждаясь,
Там сходятся друзья и родственники дорогие!

Джеймс Томсон¹

На живописных берегах Гаронны, в провинции Гаскони, в 1584 году стоял замок, принадлежавший дворянину Сент-Оберу. Из окон замка открывался вид на равнины Гиенны и Гаскони, расстилавшиеся вдоль реки, пестрея виноградниками, рощами и плантациями олив. К югу вид замыкался величественными Пиренеями, грозные вершины которых, то скрываясь за облаками, то сверкая на солнце сквозь голубоватую дымку, местами поросли мрачными сосновыми лесами, спускавшимися до самой подошвы. Внизу нежная зелень пастбищ и рощ составляла контраст с грозными пропастями, и после суровых утесов глаз с отрадой отдыхал на стадах, лугах и скромных деревенских хижинах. К северу и востоку равнины Гиенны и Лангедока терялись в туманной дали; на западе Гасконь омывалась водами Бискайского залива.

Владелец замка Сент-Обер любил бродить с женой и дочерью по берегам реки и прислушиваться к журчанию ее струй. Когда-то он вел совершенно иной образ жизни, далекий от сельской простоты, и погружался с головою в наслаждения суетного света, но суровый опыт не оправдал того прекрасного образа человечества, какой он создал себе

¹ *Джеймс Томсон* (1700–1748) — шотландский поэт и драматург, автор слов знаменитой британской патриотической песни «Правь, Британия, морями!». — *Здесь и далее примеч. ред.*

в ранней юности. Однако даже среди светских треволнений принципы его остались несокрушимыми, доброта сердца не иссякла; удалясь от света, он унес с собой чувства жалости, но не озлобления и отдался простой жизни на лоне природы, чистым наслаждениям литературой и утехам семейной жизни.

Он был потомком младшей линии знатной фамилии, и в его семье решено было, что недостаток богатства он восполнит или выгодной женитьбой, или отдавшись общественной деятельности. Но у Сент-Обера было слишком развито чувство чести, чтобы осуществить эту надежду и слишком мало честолюбия, чтобы принести в жертву то, что он считал счастьем, стяжанию богатства. После смерти отца он женился на прекрасной девушке хорошего рода, но не богатой. Расточительность или, вернее, сумасбродства старика Обера так расстроили его состояние, что сын счел нужным расстаться с частью родового имущества и несколько лет спустя после женитьбы продал ее Кенелю, брату своей жены, а сам поселился в небольшой усадьбе в Гаскони, где делил свое время между семейными обязанностями, сокровищами науки и гениальными произведениями литературы.

К этому поместью он был привязан с детства. Еще мальчиком он часто ездил сюда со своими родителями; до сих пор у него осталось в памяти воспоминание о добродушном, ласковом старике-крестьянине, управляющем имением, и о вкусном угощении из фруктов, меда и сливок. Зеленые луга, где он так часто резвился в избытке здоровья и юношеских сил, леса, под свежей тенью которых он задумчиво бродил юношей, отдаваясь меланхолии, впоследствии сделавшейся одной из главных особенностей его характера, горные тропинки, чудесная река, далекие равнины, казавшиеся беспредельными, как его молодые надежды, — обо всем этом Сент-Обер не вспоминал иначе как с восторгом и сожалением. И вот наконец ему удалось осуществить свое давнишнее желание: удалиться в уединение.

Жилой дом в этом поместье был в то время не более как летняя дача, привлекательная своей уютной простотой и живописностью окружающей природы, но необходимо было произвести в доме значительные перестройки, чтобы

приспособить его для житья целой семьи. Сент-Обер чувствовал какую-то нежность к каждой части старого здания, памятного ему с детства, и не допускал, чтобы сдвинули с места хоть единый камень; так что новые пристройки были приспособлены к стилю старого здания и составили вместе с ним простое и уютное жилище. Госпожа Сент-Обер, с присущим ей вкусом, постаралась о внутреннем убранстве дома, отличавшемся той же незатейливой, элегантной простотой в меблировке и отсутствием лишних украшений, — в этом убранстве сказывались характер и привычки обитателей дома.

Библиотека занимала западную часть здания и состояла из коллекции лучших сочинений на древних и новых языках. Эта комната выходила в рощу, расположенную на краю отлогой покатости, спускавшейся к реке; высокие деревья бросали в комнату мягкую, меланхолическую тень; из окон глаз мог охватить сквозь раскидистые ветви веселую, роскошную местность, расстилавшуюся к западу и замкнутую слева крутыми склонами Пиренеев. Рядом с библиотекой помещалась оранжерея, полная редких, прекрасных растений; одним из любимых развлечений Сент-Обера было изучение ботаники: зачастую он проводил целые дни в горах, занимаясь своей любимой наукой. Иногда его сопровождала в этих маленьких экскурсиях госпожа Сент-Обер, а часто и дочь его. Забрав с собой плетеную корзинку для сбора растений и другую, с холодной закуской, они бродили среди романтических и великолепных местностей и любовались дивными картинами природы. Устав бродить среди скал и взбираться на высоты, доступные разве только энтузиастам и где не видно было ни единого живого существа, кроме ящериц, они отыскивали какое-нибудь укромное убежище на склоне горы и там, под тенью раскидистой лиственницы или кедра, наслаждались своей незатейливой трапезой, запивая ее водой из прохладного ключа, протекающего в густой мураве, и вдыхая благоухание диких цветов и ароматных трав.

К восточной стене оранжереи примыкала комната, обращенная к равнинам Лангедока. Эмилия называла эту комнату своей — там были собраны ее книги, рисунки, музы-

кальные инструменты, ее любимые птички и цветы. Там она занималась изящными искусствами, к которым влекли ее и вкус, и природное дарование; в этих занятиях ею руководили советы и наставления отца и матери. Окна этой комнаты были особенно привлекательны: они доходили до самого пола и были обращены на лужайку, окружавшую дом. За рощами рябин, лимонных, пальмовых и миртовых деревьев открывался вид на далекие равнины, орошаемые Гаронной.

Часто по вечерам можно было видеть, как поселяне этого благословенного уголка по окончании дневного труда плясали группами на берегу реки. Их веселые песни, незатейливые танцы, своеобразные живописные наряды девушек придавали этим сценам характерный, чисто французский колорит.

С главного фасада замка, обращенного к югу, то есть в сторону величавых гор, помещались внизу большие сени и две прекрасные приемные; верхний этаж был отведен под спальни, кроме одной комнаты с балконом, где семья обыкновенно завтракала.

В саду, окружавшем замок, Сент-Обер сделал много существенных преобразований по своему вкусу, но он так любил все старое, напоминавшее ему детство, что во многих случаях приносил вкус в жертву чувству. Возле дома росли две старые лиственницы, бросавшие на него тень и загоразживавшие вид. Сент-Обер часто говаривал, что он, по слабости своей, готов был бы заплакать, если б кто срубил эти деревья. Вдобавок к лиственницам он насадил на этом месте рощицу из берез, сосен и рябин. На высокой террасе, образуемой крутым берегом реки, была плантация поморанцевых и лимонных деревьев, цвет и плоды которых распространяли по вечерам чудное благоухание. К ним прибавлено было еще несколько деревьев других пород. Здесь, под широкой тенью платана, простиравшего свой роскошный шатер над берегом реки, Сент-Обер любил сидеть тихими летними вечерами с женой и детьми, любуясь сквозь ветви на заходящее солнце и наблюдая, как его яркое сияние мало-помалу гаснет на горизонте, пока сумерки не оку-

тают весь пейзаж однообразной серой тенью. Здесь он любил читать и беседовать с госпожой Сент-Обер или же играть с детьми, отдаваясь обаянию тех сладких чувств, которые неразлучны с простой жизнью и природой. Часто он говаривал со слезами счастья на глазах, что подобные минуты несравненно отраднее для него, чем время, проведенное среди шумных блестящих собраний, которыми так дорожит свет.

Сердце его было полно; он не мечтал ни о каком ином счастье — что редко встречается на свете. Сознание того, что он живет по правде и совести, придавало ясности и спокойствия его душе и делало его способным ценить все окружающие его блага.

Часто глубокие сумерки заставляли его под сенью любимого платана. Ему нравился этот тихий час, когда угасают последние лучи света, когда звезды одна за другой загораются в эфире, отражаясь в темном зеркале вод; час, который навевает на душу задумчивую нежность и порою возносит ее на вершины созерцания. Он любил наблюдать, как всплывала луна, проливая кроткий свет сквозь листву; он так долго засиживался под платаном, что иногда ему подавали туда его скромный ужин, состоявший из плодов или молока. Вдруг среди тишины ночной раздавалась чарующая песня соловья и пробуждала в сердце безотчетную грусть.

В первый раз счастье этой семьи, удалившейся от света, было нарушено смертью двух маленьких сыновей Сент-Обера. Из уважения к отчаянию жены Сент-Обер старался не выказывать своего горя и переносил его философски, однако, в сущности, никакая философия не могла доставить ему утешения в такой потере. Теперь у него оставалась в живых единственная дочь. С тревожной нежностью следя за развитием ее детской души, он неусыпно старался бороться с теми чертами и наклонностями, которые впоследствии могли помешать ее счастью: с раннего возраста она проявляла необыкновенную чуткость души, теплоту привязанности и доброе сердце, но вместе с тем у нее замечалась чересчур тонкая чувствительность, и это могло вредно отозваться на ней. С годами эта чувствительность придала

Радклиф А.

Р 15 Удольфские тайны : роман / Анна Радклиф ; пер. с англ. Л. Гей. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 832 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-23028-6

Анна Радклиф — английская писательница, одна из создательниц готического романа. В течение семи лет ею были написаны романы, прославившие ее на всю Европу, после чего Анна Радклиф навсегда отложила перо, решив, что громкая слава мешает душевному покою. Почти все великие английские писатели XIX века так или иначе испытали на себе ее влияние: Вальтер Скотт, Диккенс, Шарлотта Бронте, Стивенсон, Майн Рид. В России «жуткая» проза Радклиф долгие годы оставалась чуть ли не самой популярной иностранной литературой. Достоевский писал, что романы Радклиф волновали его с самого детства, а Загоскин признавал ее одним из любимых своих авторов. «Удольфские тайны» — самое популярное произведение Анны Радклиф, полное ужасных секретов, мистических предчувствий, паранормальных и трагических событий. С первых же страниц читатель погружается в ту особую атмосферу, которая является отличительной чертой величайшего готического романа конца XVIII века.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АННА РАДКЛИФ

УДОЛЬФСКИЕ ТАЙНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.04.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 36,66. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-AKB-31977-01-R